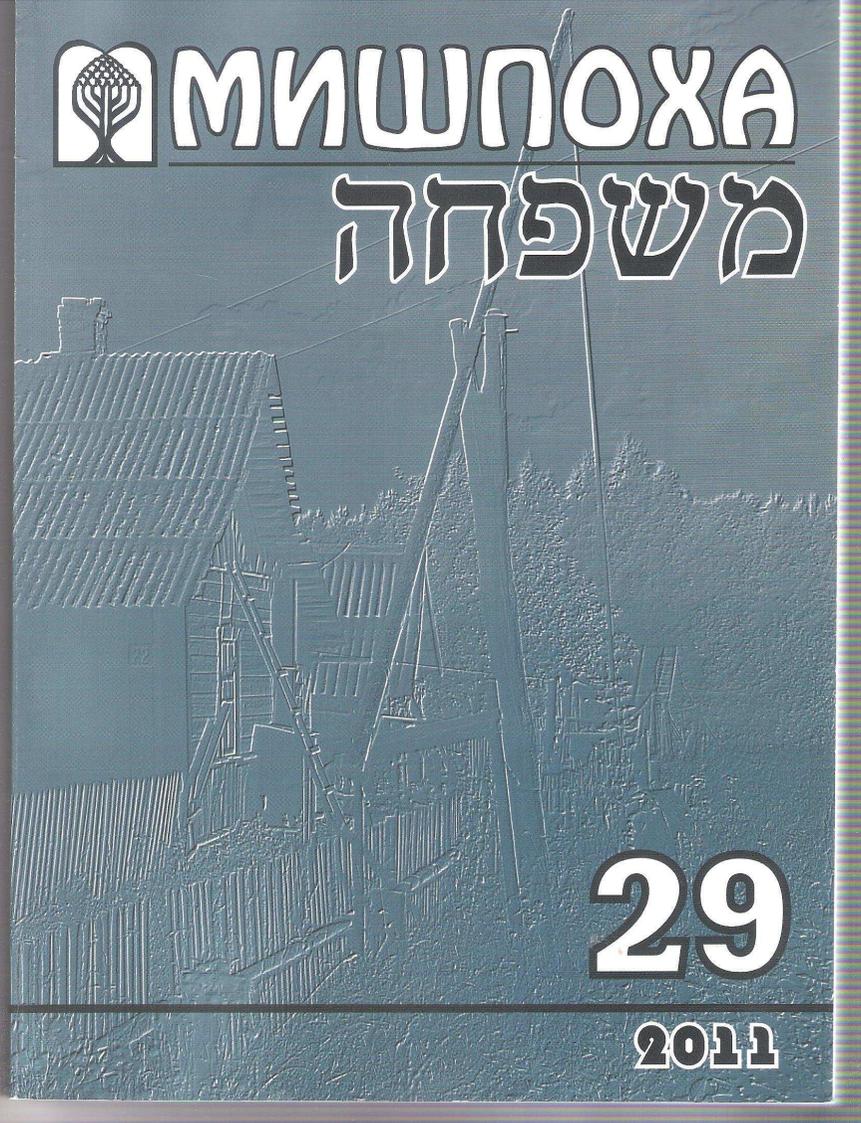

מישקוּחָה
משפּחָה

29

2011

Международный еврейский журнал "МИШПОХА"

(Журнал Белорусского объединения еврейских организаций и общин)

Мишпоха №29

Владимир БЕРНШТАМ * Vladimir BERNSHAM. «НЕЗЛИНКИ» ИЗ КОЛЫШЕК *
NIZLINKI FROM KOLYSHKI

«НЕЗЛИНКИ» ИЗ КОЛЫШЕК

Владимир БЕРНШТАМ

В периоды войн, революций, других социальных потрясений государственная денежная система подвергается серьезным испытаниям. Ей на помощь часто приходят местные выпуски денежных знаков. Так появились нотельгены в Германии, российские деньги периода Гражданской войны, «колхозные деньги» периода перестройки и другие. Эти местные деньги заполняли вакуум в денежном обращении соответствующей местности. Как правило, документы и свидетельства, связанные с выпуском таких «денег», найти не удастся. Еще меньше информации о людях, имевших отношение к их выпуску.

В период Гражданской войны в России свой вклад в выпуск местных денег внесли и общины еврейских местечек. Выпущенные ими боны описаны в книге Харионова Д. «Еврейские денежные знаки в России» [1].

Хаим Незлин.

Читая книгу Аркадия Шульмана [2] о местечке Колышки, откуда произошли мои предки по материнской линии, я с удивлением обнаружил, что они имеют отношение к выпуску местных денег, которые ходили в местечке в период Гражданской войны. Мне, как коллекционеру, показалось интересным дополнить известные в литературе по бонистике сведения о «колышинских бонах» информацией о человеке, имеющем отношение к их появлению.

В книге Аркадия Шульмана приводится информация о Колышках: «В начале XIX века, когда местечко Колышки входило в состав Суражского уезда, в нем жили 4 купца христианина и 4 купца еврея, мещан-христиан – 421, евреев-мещан – 408. По ревизии 1847 года, Колышанское еврейское общество насчитывало 508 душ. В конце XIX века Колышки были крупным еврейским местечком. В 1897 году здесь жило 1568 человек, из них – 1127 евреев».

В середине XIX века жил в Колышках купец Давид Иткин [3]¹.

Из воспоминаний профессора медицины Соломона Незлина² можно узнать об этом человеке: «Он родился в небогатой семье. В 15-летнем возрасте по своей инициативе поехал в Тамбовскую губернию, где у местных помещиков купил партию лошадей, выгодно продал их местным крестьянам и вернул родителям взятые у них займы деньги. Вскоре переехал в Колышки, в 16 лет женился и построил двухэтажный просторный дом, стал отцом четырех сыновей и двух дочерей. Он занялся торговлей льна, который покупал у крестьян, подвергал его обработке с помощью молодых деревенских ребят («трепачей») и вагонами доставлял витебским купцам, которые экспортировали лен преимущественно в Германию. Он стал довольно

состоятельным и хорошо обеспечивал свою многочисленную семью, дал домашнее воспитание детям, учившимся в хедере. Был красивый, высокий, представительный, любил хорошо одеваться – костюмы заказывал у лучших витебских портных. Ему была присуща свойственная евреям склонность к благотворительности. Помогал (иногда без огласки) местным беднякам и был гостеприимным. В субботу за его столом нередко сидел приезжий нищий еврей. Давид Иткин был честолюбив, его часто выбирали на почетный общественный пост старосты погребального общества («Хеврат кадиша»). Несмотря на отсутствие общего образования, проявлял большой интерес к историческим событиям. Давид Иткин был патриотом еврейского народа, сочувствовал национальному движению. В гостиной на видном месте висел фотопортрет Т. Герцля, Давид с удовольствием слушал отрывки из истории евреев Греца и рассказы Шолом-Алейхема». Сыновья Давида самостоятельно изучили русский язык, выписывали русскоязычные газеты и журналы. Старший сын Давида – Зеев Вульф – мой прадедушка. Старшая сестра Вульфа – Юдифь вышла замуж за Хаима Незлина, отца профессора Соломона Незлина. В своих воспоминаниях Соломон Незлин так пишет об отце: «Мой отец, несмотря на религиозное воспитание, по своей инициативе ознакомился со светской литературой на иврите и русском. В то время среди наиболее культурных и любознательных евреев возникло новое движение – аскала (просвещение). Представители этого течения, соблюдая еврейские традиции, доказывали, что еврей должен быть знаком не только с Торой и Талмудом, но и с другими языками, историей и общечеловеческими ценностями. У них был лозунг – «будь евреем в своем деле и человеком вне его». Одним из наиболее известных пропагандистов этих взглядов был талантливый писатель Иегуда-Лейб Гордон, который оказал большое влияние на

миросозерцание моего отца. Отец обладал незаурядными способностями и исключительной памятью. Он знал наизусть весь Танах.

Подобно своему отцу, моему деду, он был необычно честен, правдив и с отвращением относился ко лжи и фальши. В течение 15 лет занимался мелкой торговлей, имел лавку скобяных товаров, его клиентами были крестьяне».

Собравший много интересного материала о Колышках Аркадий Шульман пишет в своей книге о колышанских деньгах: «Боны были выпущены местной общиной и имели обращение как в самом местечке, так и в соседних деревнях, причем, не только на Витебщине, но и на Смоленщине. В самом Витебске колышанские боны тоже принимались при расчетах, но только теми, кто лично знал председателя торговой общины Хаима Незлина, порядочного, уважаемого человека. Боны были в обращении несколько месяцев. Печатались на простой бумаге. Старожилы Колышек уточняли: «На бумаге в клеточку». Главной защитой от фальшивомонетчиков была печать и личная подпись Хаима Незлина. Эти деньги люди именовали «незлинками», вероятно, по аналогии с «керенками». При появлении государственных денег колышанские боны были выкуплены у населения и сожжены».

В каталоге Харитоновой отмечается, что в 1918 году правлением еврейской общины были выпущены «квитанции» номиналом 1, 2, 3, 5 и 10 рублей. В настоящее время «колышанские боны» встречаются очень редко. Описывая историю белорусского коллекционирования [4], Лев Колосов пишет о коллекции гомельчанина Г.А. Зубкова,

который «считался одним из крупнейших белорусских бонистов. В его коллекции имелись почти все белорусские боны, даже столь редкие, как выпуски еврейской общины в м. Колышки (Витебской губернии)». О Г.А. Зубкове сообщил Леониду Колосову в 70-х годах известный минский филателист Г.В. Воскресенский, который был знаком с Зубковым с 20-х годов. Работая в финансовых органах БССР, Г.В. Воскресенский был членом комиссии по ликвидации «частных денег» местечка Колышки. По просьбе Зубкова Воскресенский опубликовал в журнале «Советский филателист» (№ 6/82, 1928 г.) статью о «колышанских бонах», подписанную псевдонимом «Коллекционер» [5]. В настоящее время эта статья является основным источником информации о «незлинках». В статье приводится еще одно «народное» название этих денег – «кигилки». Автор связывает это название с тем, что деньги печатались от имени правления еврейской общины «Кагала». Ответственными за выпуск бонов в обращение были наиболее уважаемые люди местечка – ребе, резник и казначей. Боны имели размер 10 x 6 см. К сожалению, в статье Воскресенского отсутствуют фотографии банкнот, но приведено довольно полное их описание. Мы приводим его здесь с некоторыми сокращениями и комментариями (нами заменены искаженные русские транскрипции ивритовских слов текстом на иврите). «На лицевой стороне, окруженной стильной рамкой, имелась надпись в две строки: верхняя строчка на древнееврейском «שטר מיוחד» и та же надпись на русском (2-я строчка) «Квитанция на пять рублей». В левом нижнем углу ставилась печать (круглая) общины на русском языке с надписью по кругу: «Комитет Еврейской Общины» и по горизонтали: «Колышки, Витеб. Губ.» Кроме того на этой же стороне помещены подписи: «ראש-יושב» (председатель) и подпись от руки чернилами (по-еврейски) Залман Ноэ, «מזכיר»

(секретарь) М. Райхман и «גזבר» (казначей) Незлин. На оборотной стороне имелась надпись на древнееврейском в 4 строки: «פֿלֿךְ» (Правление Еврейской Общины, Колышки, Витебской губ.) и «יום» (день), «לחודש» (месяц), «שנת» (год) (на большинстве бонов дата не ставилась) и ниже номер, который ставился от руки, чернилами». Банкноты печатались на простой тонкой бумаге каучуковым штемпелем. Для облегчения распознавания бонов различного номинала малограмотным населением на них ставились круглые печати – в зубчатом круге число, соответствующее номиналу банкноты. Печать эта ставилась в нижнем правом углу лицевой стороны банкноты и по сторонам оборотной стороны несколько ниже середины. Банкноты выпускались в двух цветах: розовом и синем. На части выпуска вместо подписи казначея Незлина делалась надпись «за казначея – Выдрич». Воскресенский оценивает количество выпущенных банкнот в несколько тысяч, так как он видел банкноты с номерами большими – 2000. Банкноты были в обращении несколько месяцев и были изъяты после выпуска в обращение советских дензнаков. Правление Еврейской Общины обменивало их на «керенки», советские дензнаки или товары из общинной лавки.

Литература

1. Kharitonov D. Jewish Paper Money in Russia, 2003, Partner Praha.
2. Аркадий Шульман. «ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛИ КОЛЫШКИ». Библиотека журнала «МИШПОХА». Серия «Мое местечко». Откуда есть

пошли Колышки. Очерк.

3. <http://bernshtam.name/genealogy/>

4. Лев Колосов. Страницы истории белорусской филателии.
<http://www.belpost.by/company/history/kolosov-o-pochte/bel-filateliya-page1/>

5. «Коллекционер». Колышанские боны «кигилки». «Советский филателист», 1928, №6, с. 20–21. Дензнаки Комитета Еврейской Общины в местечке Колышки Витебской губернии в 1, 2, 3, 5 и 10 рублей 1918 года.

© Мишпоха-А. 1995-2012 г. Историко-публицистический журнал.

¹Огромную информацию по генеалогии нашей семьи собрал и систематизировал мой сын Павел Бернштам.

²Воспоминания Соломона Незлина и фотография Хаима Незлина любезно предоставлены профессором Института им. Вейсмана (Израиль) Роальдом Соломоновичем Незлиным.
